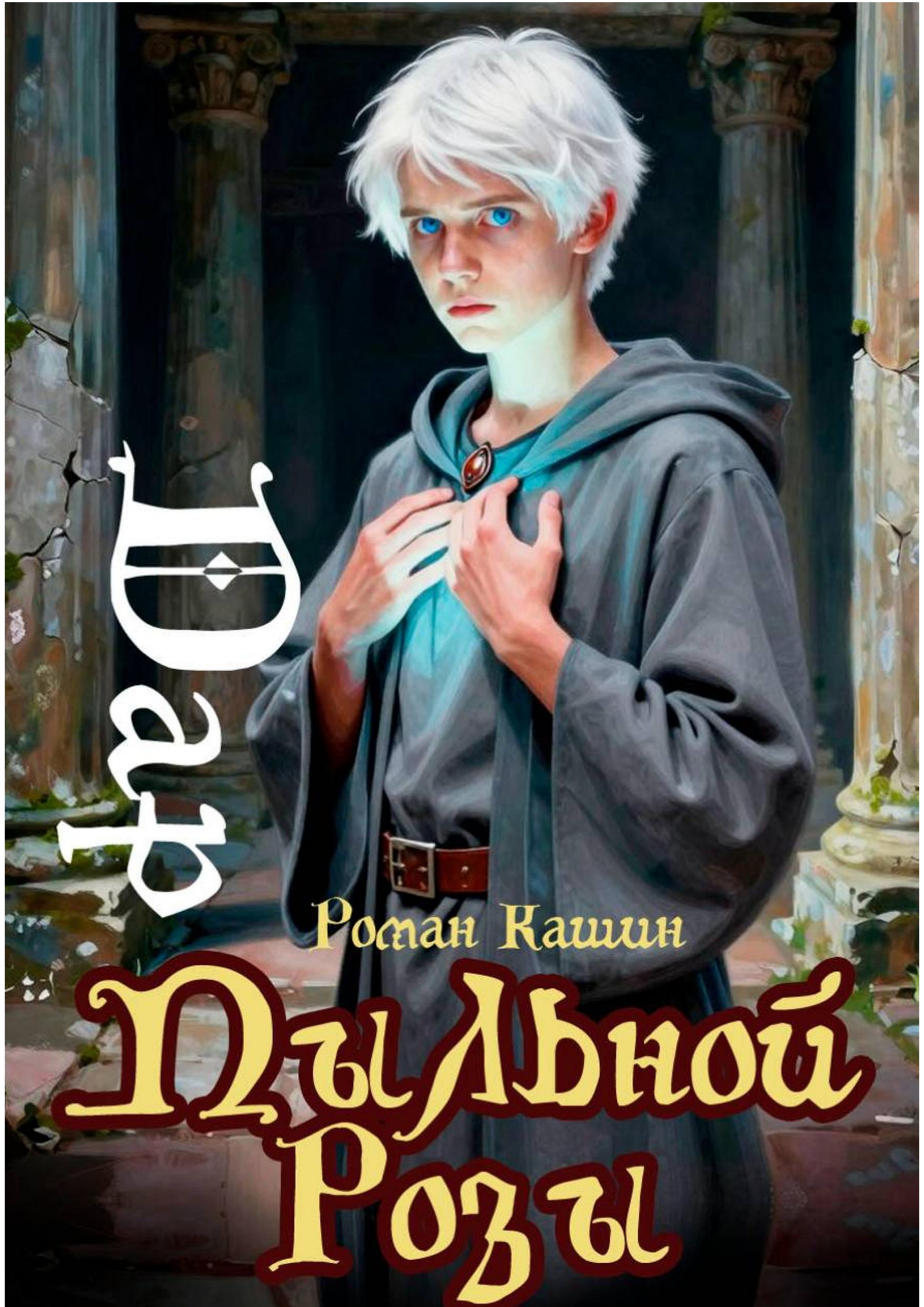

Д
и

Роман Кашин

Или Апокалипсис
Розы

Роман Кашин

Дар Пыльной Розы

«Автор»

2026

Кашин Р. В.

Дар Пыльной Розы / Р. В. Кашин — «Автор», 2026

Мир Пыльной Розы – мир секретов честного волшебства, алхимических тайн и дворцовых интриг. Это рассказ о становлении молодого мага, попавшего в закрытую среду волшебников только благодаря причудливому соединению таланта и уникальных обстоятельств. Попытка убийства, заговор, мудрый наставник, мрачные тайны и красочное повествование в стиле классических образцов жанра фэнтези – все это ждет читателя внутри.

© Кашин Р. В., 2026

© Автор, 2026

Роман Кашин

Дар Пыльной Розы

*Готовя бросок, змея шипит и раздувает капюшон.
Убийца опаснее – он набрасывается тихо, под покровом темноты.
Колдун еще опаснее – тишина и есть его бросок.
Но поистине велик тауматург. Потому что сам он – и бросок, и
тишина, и темнота*

*Из трактата «Пыльная роза малефициума»,
автор неизвестен*

Место, в который перенесла юношу обезумевшая статуя, поражало своими циклопическими объемами.

Впрочем, не только ими. Было темно хоть глаз выколи, рассеянный свет выхватывал из небытия лишь отдельные участки пола у коллонады. Или может, все было наоборот и это мерцали каменные плиты? Впрочем, какая разница – в любом случае их слабого, рахитичного света хватало только на то, чтобы обозначить щербатые силуэты коллон. Взгляд то тут, то там наткнется на силуэты каменных нагромождений, осколки устилали пол и скрипели под ногами.

Ну и как теперь... или куда?... ответов не было, даже вопрос не удалось додумать до конца, а память лишь судорожно дергалась – как крыса, загнанная портовым нищим.

Тусклые пятна света рядами уходили в темноту насколько мог видеть глаз. Над головой ворочалось гулкое эхо, и смутно угадывались высокие сводчатые потолки. Если запрокинуть голову и долго всматриваться, можно было рассмотреть очертания арок. Наверное, можно было бы – если забыть на минуту, что от первого же резкого движения голова взорвется и превратится в сноп искр. А что, немного света не помешало бы, мелькнула идиотская мысль.

От магического прыжка плыла голова, в глазах мерцали круги, накатывала дурнота. От этого сама непроглядная тьма казалась живой, дышащей, красной или зеленовато-желтой. Свен отступил назад, шаря позади себя рукой. Пальцы, попетляв, коснулись каменной поверхности, прохладной и осклизлой. Юноша расправил мантию, сел и ткнул лицо в ладони, массируя горячие пульсирующие виски. Уффф! Пальцы пахли рыбой и чесноком, побег которого он сорвал под Осадной лестницей перед собеседованием. Сорвал и бросил рыбий хвостик в увлеченно воркующего голубя. За что? А просто так, за то, что ему не надо идти в школу магии Гранд-Энцириум, вот за что.

Память зашевелилась, прошла минута, другая – боль в висках потускнела, но не ушла насовсем. Как кредитор, кому должен много лет назад, она маячила за плечом, над бровью, мол, готовься, я не забыл о тебе, должок... «Кажется, я не выполнил вашего поручения, майстер...» – немного забывшись, пробормотал или подумал страдалец: – «кажется, я пропал, остается только ждать.»

После слова «ждать» что-то внутри Свена повернулось, и мысли немедленно приняли другое направление. Шаг за шагом он начал восстанавливать свой день, вспоминая все, что в итоге привело его сюда, в это забытое богом место. Хотя, конечно, места бывают и похуже, не стоит гневить неизвестно кого...

Утро началось как обычно. Пинок под ребра, чистка сарая, опорожнение ночных сосудов, кухня... За этим, вопреки всем ожиданиям, – внезапный визит в конюшню. Школьное начальство в лице квартирегеря майстера Тарпера изволили дать задание: мальчишке (то есть Свену) следовало пулей нестись к старшему конюшенному и передать, чтобы он к обеду подготовил карету в Клейборн. Да-да, ту самую карету с гербом – золотая голова коня и зеленый

клевер на белой мантии с красным наметом. И чтобы непременно поставили в упряжку гнедого с белым пятном на правой бабке – начальство школы желают похвастаться жеребцом и выездом перед городскими вельможами. Если карета не будет готова к полудню или возникнет какая-либо накладка, мальчишку (то есть Свена) высекут и заставят ночью чистить стойла. Да лучше лошадок чистить, чем на твою рожу противную смотреть, старый зазнайка... А? Я говорю, благородный сэр, служитель Свен услышал ваши пожелания и с благоговением передаст их конюшенному (чтоб его черти драли соленой лозой)... Да-да, именно так, с поклоном и пожеланием всего наилучшего от вашей светлости...

Что же было дальше? Шум в ушах затих, виски стали гладкими, как озерная гладь, перед глазами перестали прыгать и кривляться яркие световые чертики. Вспоминай, все вспоминай, иначе поминай как звали – здесь даже моих костей никто никогда не найдет...

Потом был городской рынок, Тург у Пяти углов. Солнце стояло уже высоко, на башне Декранц пробили час пополудни. Свена (тем же пинком под те же ребра) сопровождали к выходу из хозяйственного двора магической школы, предварительно выдав огромную продуктовую корзину и строгий наказ – без яблок сорта «перламутр» не возвращаться. А еще было предписано не возвращаться без десятка гусиных яиц, кроличьей тушки, разных овощей и передать привет кухне Луизе в зеленную лавку на улице Королевских стражей (дом второй справа от знака в виде алебарды). Иначе – конюшня, розги, чистить стойла... да-да, будет сделано, господин квартирегерь. И все все без денег извольте выдать, исключительно на счет Школы.

Нет, ничем мне эти воспоминания не помогут, ровно ничем, так что гнить моим белым косточка-аам тут полвека, не меньше. Надеюсь, майстер Тарпер споткнется о них и разобьет себе голову об этот вот гранитный край. Нет, не насмерть, упаси Великий Малефициум, пусть даже и не упадет вовсе, главное, чтобы на его глазах выступила хоть одна слезинка. Ну пусть не по мне, но хотя бы над моими косточками. Стоп! – «косточки», косточки, что-то там было с косточками? Ах да, лавка кухни Луизы! Вот уж где чего не ожидал, так это с этим поручением...

Странности начались сразу после того, как Свен нырнул под щит с изображением Бодрияра Хороброго. Знаменитый маг был изображен в роскошной мантии и со своей не менее знаменитой волшебной палочкой ставящим ногу на тушу поверженного дракона. Последний показался Свену больше пьяно дрыхнувшим, чем жестоко убитым, но тут, как говорится, герой без менестреля и не герой вовсе, а так, бродяга. Простые люди Бодрияра любили, считалось, что после своих подвигов он всегда устраивает народные гуляния с вином и мясом. Хотя Свен о таком ни разу не слышал, даром что последние несколько лет жил и работал при хозяйственном дворе Гранд-Энциериума.

А вот и ржавая алебарда на постаменте – знак, что пора свернуть на улицу Королевских стражей. Людей с корзинами, лошадьми и повозками, идущими с Турга, только что, казалось, было хоть пруд пруди, но стоило лишь сделать шаг-другой по грязной извилистой улице, как вокруг внезапно опустело, будто юноша оказался в чумном районе. Впрочем почему «будто»? Кухарка любила рассказывать о городской чуме в нижнем городе, которую она пережила исключительно благодаря покровительству святого Монга. Жила она, помнится, недалеко от Турга, может быть, как раз на улице Стражей, кто знает? Кстати, и насчет покровительства она не соврала – святой Монг всегда любил мелких воришек и юных девиц не вполне добродетельного поведения. Так говорила бабушка Свена, а она в таких делах не ошибалась.

Вот и низкая дверь с грубо нарисованным зеленым трилистником и грязными потеками на камышовой крыше. Надо полагать, та самая:

– Здравствуйте, да снизойдет благословие верховных maleфиков на вас и вашу зеленную лавку! Вам привет от господина квартирегеря магической школы Энциериум, господин велели кланяться до земли.

«Кузина Луиза» оказалась страшной сухой старухой лет сорока, хотя столько, как известно, не живут. Так долго могут жить только волшебники («малефики», тут же про себя поправился Свен: – «волшебники это для детей»). А если ты обычный человек или, скажем, женщина, то после сорока непременно станешь ведьмой. Ну или людогрызом вроде мастера Тарпера, этот уж точно лишние годы по земле ходит, тьфу-тьфу, как бы не сглазить ненароком.

Хозяйка хмуро посмотрела на вошедшего, потом, не говоря ни полслова, быстро нырнула в низкую дверь, шкрябнув куделем из неопрятных седых волос по древесной притолоке. Звякнули многочисленные медные половники и ковши, тренькнул огромный коровий колокольчик слева – и она тут же вынырнула откуда-то справа, будто бы выскользнув из подмышки у оторопевшего юноши. И зловеще выдохнула ему в ухо:

– Передай хозяйину, в полнолуние кошка скребла, в четверть Луны чихал пес. Повышения ждать в седьмом доме, под Скорпионом жди беды. Запомнил, светлоголовый? Повтори.

Свен старательно повторил. Получилось «полскорпиона и четверть кошки в седьмых яслях, хм-мм... с половиной козы». Луиза обругала его конюхом и бестолочью, затем повторила еще несколько раз, размеренно постукивая юношу твердой ладонью по лбу, добившись на этот раз полного запоминания. Удовлетворенная результатом, она, будто бы подобрев, сказала ждать и снова пропала, задев ту же притолоку. Вернувшись, старая ведьма (ведь именно ей, судя по всему, и была «кузина» квартирегеря) крепко схватила паренька за плечи, выволокла к двери и тихо сказала, впериw в него острый, как кинжал, взгляд:

– Это было для ума, а это теперь для сердца. И лично для тебя, пустомеля. И запоминай, повторять не буду, потом вспомнишь и, может, спасибо скажешь. Спираль направо – чтобы сказать, спираль налево – чтобы слушать, цвет чеснока защитит...

И, развернув Свена одним резким движением, разом вытолкнула на улицу, сунув напоследок ему в руки большой мягкий сверток. Юноша едва успел присесть, прихватив корзину с покупками, стоявшую у входа. Ему тут же пришлось подскочить, чтобы не потерять равновесия и не угодить в глубокую и грязную разъездную лужу. Низкая балка над выходом пришлась как посередине затылка, так что Свен долго стоял скорчившись, баюкая ладонью огромную шишку и сдерживая нехорошие слова, а когда пришел в себя, дверь давно захлопнулась и стояла плотно закрытой на засов.

Обратно в хозяйственный двор Свен уже не торопился. Городская жизнь шла своим чередом, по грязным улочкам сновали бойкие торговки жареной рыбой, расхваливая свой немудрящий товар. Копченые молодые сомики и моллюски на палочках шли нарасхват, хотя более половины продаваемых сомиков были отнюдь не молоды. У ног торговок помоложе увивались кошки и дети помельче. Более взрослые уже норовили что-нибудь стянуть, так что то тут, то там раздавались шлепки, обиженный детский рев и неумная божба. Одна дородная девица, чтобы наказать особенно нахального карапуза, даже сняла лоток и, подобрав юбки, бросилась на своего обидчика, потрясая выдернутой из ближнего плетня длинной хворостинкой:

– Ах ты, сопляк, а ну держись, попомнишь у меня тетю Сороку и тот момент, когда ты решил запустить в нее комком грязи! Да сам сэр Бодриар Хоробрый не задавал дракону такую взбучку, какую сейчас получишь ты, отродье грязной куницы, не будь я дочь ловца омаров для двора Его Высочества!

Очевидно, такие сцены у турга не были редкостью. Наглый малец, выслушав отповедь, ни мало не оробел – нырнул в низкие ворота, ведущие с рыночной площади, наполовину заложженные прелым сеном, проскользнул под ногами степенно идущих с огромными кошелками сквайров покупателей и был таков!

Спустя минуту-две его нахальная физиономия уже появилась над самым краем стены, примыкающей к караульному помещению, где всегда спали охранники, утомившиеся от опасной службы. Сорванец корчил рожи, плевался и кричал торговке, что ее рыба не стоит ни единого медного су, а омары – на вкус как помои. Он много еще поведал бы собравшейся на пло-

щади гогочущей толпе, если б молодой стражник не изловчился тихо взобраться наверх и не возник у него за спиной, подобно ангелу мщения, и, схватив за шиворот, не передал смеясь в самые руки беснующейся под стеной девице. Та, благодарно улыбнувшись, тут же изогнулась так, чтобы предстать перед своим спасителем в позе, наиболее радующей мужской глаз, руки ее между тем отнюдь не дремали – пахнущие рыбой пальцы вцепились в рубаху и штаны малолетнего нарушителя спокойствия. Розга была наготове, так что экзекуция произошла быстро и не потребовала вмешательства судейских или иных чинов. Под хохот окружающих дырявые штаны были безжалостно сорваны, раздался свист розги и уже спустя минуту толпа начала отсчитывать удары.

Толпа веселилась, особенно старались подмастерья с ближней улицы, худые и грязные, пахнущие кислотами скорняка:

- Эй, Сорока, не бей так сильно, это же твой будущий муж...
- Сильней, сильней приложи, у задницы память лучше, чем у головы!
- Зажарь, как рыбку, вон какой тостенький! И продай мне за грошик.

К тому моменту, когда торговка выдохлась, а сорванец удалился, придерживая штаны и гордо шмыгая носом, брошенный почти без присмотра лоток был уже наполовину разграблен как прохожими, так и другими мальчишками, приятелями наказанного. Не упустил свое и Свен – вдоволь посмеявшись, он первым прокрался за спину крупной женщины, продающей огромного налима, и снял обильную жатву с оставленной без присмотра снеди. Три крупных корюшки радовали его глаз и обоняние, когда он взялся за деревянные перила лестницы, ведущей через ворота Вышгорода в хозяйственные дворы Школы. Если не считать шишки на затылке и бредней старухи Луизы, все шло даже слишком хорошо.

– Видал, как у башни вчера палач орудовал, плетъ долетала аж до конца площади? – беседовали двое мастеровых, пониже и повыше, оба были в заношенных хламидах с подпалинами на бедрах. «Кузнецы» – смекнул Свен. – А ну кому копченого лосося, прямо из дворца Бодрияра Хороброго? Даю попробовать! – это орал неопрятный рыжий поденщик, потрясая огромным свертком. – Скажи, пожалуйста, «на пятак», а ты бери сразу на два, не пожалеешь. Сестра Мириям свои снадобья кому попало не продает, мужской силы больше не становится... Рынок жил своей суматошной жизнью.

Юноша обкусал честно украденную рыбку, вытер о запястье жирные губы и бросил несъедобный хвостик метнувшемуся под ноги огромному рыжему коту. После чего, выплюнув рыбую голову в сторону проходящей мимо стражи, замер, примериваясь к оставшимся двум. От витражного окна Гильдии каретников отразился луч солнца, позолотив аппетитную корочку и подгоревший плавник. От набежавшей слюны свело подбородок...

– Так вот ты где прохлаждаешься, негодяй?! Квартирергер и надзиратели уже с ног сбились, ища, куда ты мог запропасться, пропащая твоя душа... Ну, Беляк, помни мое слово, хлев с лошадьми отныне твой дом не меньше, чем на неделю! Ты еще добрым словом вспомнишь этого вашего Эркулесса, пропахнешь навозом так, что магистрам придется искать тебе ночлег за границами города...

Потные щеки мастера Тарпера возмущенно колыхались каждый раз, когда толстяк а такт собственным возмущенным словам выдавал Свену «леща». Несильные тумачи были скорее обидными, чем болезненными, проходящие подмастерья и горожане смотрели сочувственно, кто-то свистнул, а кто-то из толпы запустил в мастера хвостиков от брюквы, так что желание магистра продолжить экзекуцию быстро сошло на нет.

«Беляком» Свена прозвали за светлые волосы. В минуты крайнего раздражения (то есть во все дни недели, кроме тех, когда магистра вызывали на заседания городских гильдий, за которыми следовали не вполне умеренные возлияния) магистр Тарпер обязательно припомнил пареньку его неблагородное северное происхождение. Наряду с многими другими работниками, городские власти выкупили юношу из маленького северного королевства Гнутлет-динт

(«серый лед» на местном наречии). И именно там, на далекой северной родине Свена (согласно преданиям его нового дома, города-государства магов под названием Энцериум), герой Эркулесс, получеловек-полуконь, в надежде спастись от заклинаний Эйнца Мудрого, прожил десять лет с горными козами, притворяясь безумцем... На это и намекнул в своей обвинительной речи раздраженный Тарпер.

Прозвище «белый, беляк» Свен принял легко, потому что своего настоящего, взрослого имени никогда не имел, довольствуясь детским. На языке северных леттов слово «свен» означало «светло-русый», почти тот же беляк, если разобраться. Бабушка в детстве называла его Сойкой – за прожорливость, любопытство и быстрые руки. Но о бабушке Свен старался не вспоминать, внимание живых отвлекает мертвецов от весел Нагльфара, огромной звездной ладьи, сплетенной из волос Ледных гигантов, а значит, конец времен может и не наступить. Взрослого имени Свен получить не успел, бабушка умерла и община избавилась от лишнего рта через рыночный пункт на границе с Энцериумом. Эх, снова вспомнил, отвлек... гребите, гребите весла, плыви, плыви ледяная ладья.

Магистр не припомнил Свену ни его позавчерашних оплошностей, ни очевидных перспектив закончить беспечную и бессмысленную жизнь в качестве барабана в кибитке степных тунгалов. Вообще, если присмотреться, магистр вел себя... ну, странно. Насколько это слово, конечно, вообще было применимо к взбалмошному, трусоватому и угодливому (с вышестоящими чинами Школы) старикану.

Покорно (но не слишком) опустив голову, Свен слово в слово передал магистру слова «кузины» квартирегера. Тот задумчиво кивнул, сменив, видно, гнев на милость, и даже принял из рук юноши сверток колдуньи. Но тут взгляд его маленьких глаз упал на те самые две корюшки, которые юноша продолжал сжимать в руке. Лицо его вдруг побелело, будто горный снег в мае (оставаясь столь же ноздреватым и рыхлым):

– Да ты что удумал, гаденыш?! Да как ты мог... с кем снюхался, бараний потрох? Под меня копаешь? Да я вас со свету сживу! Тарпер всех вас переживет, я еще колбасой из твоих кишок торговать буду да никто не купит...

Свен стоял молча, не зная, что и думать. В глазах низковатого и полноватого Тарпера стоял всамделишный потный страх. Причем страх перед ним, Свеном-беляком, без пяти минут рабом на конюшне. Или, может, он просто не должен есть рыбу, семейное табу? Впрочем, майстер тут же нашелся, испуг в его глазах отошел на задний план, а тон ощутимо понизился, уступив место привычному, пренебрежительному. Толстяк кашлянул и заговорил вкрадчиво – степной питон пообедал, прочистил горло и читает молитву на смерть змеелова:

– Ладно, раз, говоришь, мантию, тебе дали, щенок, живи покуда... Если узнаю чего – три шкуры спущу, запорю как кабанчика. Раз так оно выходит, слушай меня внимательно, отдашь корзину господину старшему и стрелой, слышишь меня? – стрелой, пущенной из осадного полиоркета, дуй в Школу. Там найдешь Фиолетовые врата. Они не видны с фасада, обходи школу справа, среди небольших статуй у парапета увидишь Сад Трех горгулий. Это просто ручной фонтанчик со статуями – Питола, Скурумага и Ониетта. Они символизируют Гнев, Осуждение и Судьбу приговоренного... великий малефициум, что я несу? Какая мне корысть в том, чтобы помогать тебе, безродная плесень, безотцовщина?!... Ладно, на вот, возьми оберег! Зайдешь в Школу, непременно держи ее в руках, но никому – никому, слышишь ты?! – не показывай и не рассказывай ни полслова. Даже думать не моги рассказать, запорю насмерть... Потом отдашь, если доведется, не забудь моей доброты, слышишь?

В руках толстяка появилась черная статуэтка величиной с детскую ладонь, и тут же перекочевала в карман магической робы. Свен не дышал, боясь вызвать гнев сильно возбужденного квартирегера. Едва он успел рассмотреть тонкий женский профиль, белые глаза и магический знак в виде звезды на обререге, как Тарпер крепко схватил его за руку, потянул в сторону, к краю площадки, и приобнял, жарко зашептав на ухо:

– Увидишь Фиолетовые ворота, они прячутся среди многих других ворот, их можно узнать только по Саду горгулий и тайным знакам, это руны Звезда и Умертвие, вот такие...

И магистр, кряхтя, опустился на колено. Он старательно рисовал, стирая лишние штрихи и ругаясь сквозь зубы, если тревожил свою якобы застарелую подагру. Через площадку проходили люди, но никто не смел мешать приличному господину в дорогой одежде сходить с ума. Иначе по какой же еще причине человеку с нашивками магистрата Школы встанет перед оборванным мальчишкой на колено и будет чиркать в пыли?

Пару минут спустя Свен уже находился почти на самой вершине. Эту огромную лестницу, вделанную прямо в стену и ведущую в Верхний город, где располагалось здание магической школы, в народе называли Осадной. Говорят, ее создал колдовством демон Миллегаар во время случившихся беспорядков в Нижнем городе. Правда ли это, сказать было трудно – лестница состояла из огромных деревянных балок, но такие использовали и обычные строители, не только демоны...

Впрочем, так или иначе, а магистры Школы без острой необходимости на эту лестницу не вставали. Что, кстати, заставляло другими глазами взглянуть на поведение Тарпера, уж его-то никто не заставит лишний раз поднять зад, а уж тем более начать «считать бабки» – «считающими бабки» называли всех ремесленников, которые вынуждены ежедневно подниматься по Осадной лестнице в Верхний город и обратно, обслуживая знать и особенно служителей Магической школы, являющейся залогом богатства и могущества всего города-государства. Причем здесь «бабки»? В эту игру играли дети и городская беднота. Играющие ставили бабки (высушенные позвонки) на ступени лестницы, а водящий прыгал на одной ноге, стараясь сбить только верхние. С легкой руки сумасшедшего Осмония, «считать бабки» принялись все в городе, кто ради пропитания ежедневно считал ступени Осадной лестницы. Ты поднимаешься по лестнице, гнешь спину и сушишь позвонки, ты и другие бедолаги, а Смерть играет – ждет и гогоча выбивает пяткой пятерку или даже «вист». Безносой игрунье все позвонки в мире как игровые «бабки», и на ее лице всегда будет улыбка на все зубы...

Голова почти прошла, полная тьма и гулкая тишина успокаивали. Воспоминания потекли, будто кто-то волшебным ключом открывал заповедные двери, одну за другой. Юноша быстро восстанавливал в памяти события, предшествующие его... похищению? исчезновению?

Да, славные костяные бабки, солнце, теплые деревянные перила, звук, с которым голуби, подлетая к рукам и трутся шеями о пальцы в надежде на подачку... теперешний Свен, сидящий во тьме, мог только мечтать о том, чтобы снова ступить на те ступени и стащить пару жареных рыбешек. Нет, это не те воспоминания, которые помогут выбраться. Впрочем, сейчас любое лыко в общий плетень. С этими мыслями Свен, скривя губы в невеселой усмешке, искал и нашел глубоко за пазухой пару счастливых игровых бабок, сделанных из волчьих позвонков, – свое детское сокровище, последнее воспоминание о родном севере. Если дело пойдет совсем плохо, эти позвонки можно будет зажать в руке или привязать к поясу. Тогда вальгерии, слетаясь на шепот покидающей тело души, быстро узнают в нем северянина, определят на радужные сходни Нагльфара и посадят на весла рядом с бабу... ой нет! пляши весло, меси звездное тесто, плыви ладья в последний путь.

Мантия (майстер настоял на том, чтобы Свен надел ее немедленно и не снимал) оказалась сильно велика, весь оставшийся подъем ее полы немилосердно полоскались в пыли, вздуваясь под ветром и сбиваясь о балюстраду и грязные ноги поденных работников. Последние шли рядом молча, без обычных прибауток и все время оглядываясь. Действительно, какая нелегкая занесла молодого лорда в магической робе считать бабки с простым человеком на лестнице и где он так выпачкал руки и лицо?

С самого расставания с Тарпером у юноши нарастало беспокойство. Шутка ли, вечно раздражительный, брезгливый и злобный толстяк не только забрал у Свена небольшую корзину, но и сам (!) взялся занести ее на кухню. Лишь бы Свен (которого он еще недавно хотел пороть на конюшне) побыстрее облачился в дорожную робу и оказался в святой святыни, в школе магии. Этого не могло произойти ни при каких обстоятельствах, а значит, впереди маячило нечто неопределенное, связанное с магией, то есть бесконечно опасное и не сулящее Свену в общем ничего хорошего. Но не идти было нельзя, запрет ведь.

Пальцы скользнули по неровности на ступеньке, и пятка в тупоносом тканевом башмаке, больно стукнулась о каменный выступ. Оххх! юноша зашипел и согнулся, потирая ушиб, от боли проступили слезы. Рука, между тем, спешно проверила полы мантии, все ли в порядке, не зацепил ли он ненароком бесценную ткань. Если что, расплатой за нее будет собственная шкура, такая роба стоила двоих таких, как он сам, да и то бы еще торговались.

На миг возникло желание подобрать полы и перевязать у пояса. Возникло – и тут же пропало, перед глазами Свена стояло испуганное потное лицо Тарпера и его слова про «немедленно» и «стрелой». Сомнения и страх заразительны, оба ходят на тонких ногах, а отдыхать могут только на кончиках швейных игл. Поэтому, кстати, умная хозяйка всегда держит иглы носом в футляре. Идея снять мантию и надеть только у Фиолетовых врат показалась еще более рискованной. Свен содрогнулся, нет, как-нибудь уж дойду в ней, магия здания на раз высосет душу, не зря же Тарпер говорил, что помогает мне против воли, да еще и статуэтку дал?! Этот только против воли доброе дело и сделает, ей-богу.

Вдруг на глаза скорчившегося от боли юноши попались ростки молодого чеснока. Растеньице высунуло жизнерадостные сиреневые метелочки прямо из-под массивных ступенек, и они весело болтались под теплым, напоенным запахами близлежащих кухонь ветерком. «Чеснок защитит...» вспомнились ему слова ведьмы, и рука сама потянулась за зеленые стеблями, пальцы сомкнулись, их тут же окропило пахучим соком. Сзади с удивленным возгласом отпрянула молодая горничная, носящая цвета герба знатной и богатой семьи Кальциусов, и выругался какой-то мастеровой с котомкой. Но на этом и все, мантия Школы Энцериум защитила своего носителя от неприятностей!

Уже позади массивные кованые ворота и караулка Первой осадной башни. Именно отсюда сто лет назад в верхний город ворвались отряды восставших ремесленников, начался знаменитый Железный бунт. На его подавлении многие маги сделали себе имена. Уильям Сверкающих одежд, Сорганрод Старый, Бескариотт Птичий посох – маги древних веков, они сделали так, что за одну ночь прорвавшаяся голытьба, мародеры и поджигатели исчезли бесследно. Утром стража отлавливала уже только отдельных бунтовщиков. На допросах пойманные дрожали и соглашались на любое наказание, лишь бы их не отдавали магам. Маги же, как и подобает хранителям запретного знания, хранили молчание, только потребовали от города передать им в вечное владение часть небольшого плато, откуда мрачноватое здание магической школы и поныне огромное смотрит на ракинувшуюся лоскутным одеялом панорму Нижнего города с его рынками, мастерскими и торговыми дворами. Как завоеватель на свои новые владения.

А вот и она сама, Школа магии и тайного maleficiума, Гранд-Энцериум!

Кап-кап! Огромная холодная капля вывела Свена из забытья, смачно щелкнув по макушке и пролившись за ухо и шиворот. Сколько он тут уже сидит? Спина от сырого камня занемела, при попытке потянуться его худые лопатки жалобно скрипнули, будто бы вторя звуку удара капли о затылок – хрусть, треньк! В царящей вокруг тишине звук показался неприлично громким. С таким же звуком распахнулись перед ним Фиолетовые врата, мелькнув инкрустированными изображениями звезд, Солнца и кубков, и старик привратник в поношенной ливрее

невозмутимо поклонился стоящему перед ним простолюдину в чужой дорогой мантии. Но что было с ним до этого?

Свен плохо помнил, как обошел здание Школы и нашел нужный вход. Подходы хорошо охранялись, а выложенные камнем торпки всегда вели не туда, куда казалось – настоящий лабиринт! Ему пришлось пару раз вернуться, проходя, он видел прекрасно ухоженную декоративную террасу. Под пламенеющими ветками какого-то экзотического плюща и дикого винограда она, как выяснилось, скрывала пару аккуратных маленьких ворот, вделанных прямо в стену. Никаких проблем с проходом внутрь у Свена не возникло, эти (как, впрочем, и последующие) двери открылись по первому стуку. Его почтительно впускали внутрь и провожали взмахом руки в абсолютном молчании. Может, все служители внутренних садов глухонемые? Но нет, один из них что-то шепнул на ухо другому, и оба рассмеялись ему вслед, звякнув лезвиями смертоносных гвизарм. Наверное, смеялись над деревенщиной, который несет во дворец соцветия чеснока... Проклиная совет ведьмы, Свен судорожно вцепился в эти стебли, опасаясь оставить после себя хоть малую толику мусора на этих безупречно чистых дорожках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.